

Разогнав зевак, Лю Даню позвал Лю Цюаньфу и Лю Цюаньцзиня в главную комнату. Старик Лю сидел там, попыхивая трубкой, и сказал:

— На этот раз ты ошибся...

— Разве можно верить всему, что говорят другие? — возразил Лю Цюаньфу.

В комнате Ли-ши, беспокоясь о происходящем в главной комнате, обратилась к Лю Яоцину:

— Цин-гэр, как ты можешь так разговаривать с дедом? Люди сочтут, что ты не знаешь меры.

— Мама, я уже говорил всё, что мог, но дед всё равно не верит, упрямо доверяя словам дяди, — терпеливо объяснял Лю Яоцин. — Обычно дядя только болтает, никогда не говорит ничего дельного. Почему же сейчас дед так уверен в его словах? Он даже не сомневается. Разве моя свадьба должна быть такой поспешной?

Рядом Син-гэ, хотя и не до конца понимая ситуацию, тоже поддержал:

— Мама, Цин-гэр прав. Действительно, дед ошибся.

Всё началось с того, что Лю Цюаньфу выдвинул свои требования, и за несколько дней, даже если бы старик Лю хоть на минуту задумался о Лю Яоцине, а не о том, как бы получить деньги на покупку земли после свадьбы, Лю Яоцин не стал бы так его оскорблять.

Видя, что Ли-ши всё ещё расстроена, Лю Яоцин сказал:

— Дед ведь знает, каков дядя на самом деле? Обычно он говорит, что идёт работать в поле, а сам идёт пить к Хромому Лаю или спит в своей комнате. На этот раз дядя прав или нет, дед сам знает.

Услышав это, Ли-ши почувствовала холод в сердце. Обычно старик Лю был справедлив, дети в семье никогда не нуждались в еде или одежде. Но на этот раз он, зная, что на Лю Цюаньфу нельзя положиться, всё же доверился ему, чуть не толкнув Лю Яоцина в пропасть. Это было действительно неправильно.

— Мама, я выйду ненадолго.

Увидев, что Ли-ши поняла его, Лю Яоцин вышел из дома с двумя щенками.

На улице ещё стояли люди, собравшись в небольшую группу у входа в переулок, и среди них раздавался звонкий голос маленького нищего.

Лю Яоцин подошёл к ним. Все были соседями, и сейчас им было немного неловко. Хотя Лю Яоцин чуть не был продан дядей, но, учитывая, что старик Лю всё же не напрямую продал внука, соседи не могли открыто осуждать его. Однако они всё же жалели Лю Яоцина, и после нескольких неловких фраз все быстро разошлись.

В деревне все жили так, и никто не осуждал других. Лю Яоцин и не надеялся, что соседи ему помогут. Сегодняшнее зрелище было целиком заслугой Лю Цюаньфу.

Когда вокруг никого не осталось, Лю Яоцин спросил:

— Чжэцзы-гэ тебя отправил?

— Да.

Маленький нищий уже знал, что произошло с Лю Яоцином, и с радостью рассказывал о делах в уездном городе.

— Ты пока побудь в деревне, походи, рассказывай, а я принесу тебе что-нибудь поесть.

Подумав, Лю Яоцин добавил:

— Если захочешь вернуться в город, я найду способ тебя отправить.

— Хорошо.

Маленький нищий, не то соглашаясь, не то просто так ответив, повернулся и побежал с разбитой чашкой в руках.

У входа в деревню стояли большие ворота, широко распахнутые. Лю Яоцин сразу увидел Чжэцзы-гэ, сидящего во дворе и чинящего корзину сухой травой. Он с улыбкой вошёл и сказал:

— Почему не спишь? Вчера вечером ты не отдыхал.

— Не устал.

Чжэцзы ловко размял сухую траву в руках, скрутил её в верёвку и начал обматывать корзину.

— Я посмотрю на вино.

Лю Яоцин вынес глиняный кувшин из-под крыльца, открыл его и сразу же обрадовался. В последние дни погода была тёплой, и кувшин стоял на солнце. Теперь дикие горные ягоды внутри словно растворились, густой красный напиток источал сладкий аромат, невиданный и неслыханный ранее.

Вино, которое продавал Хромой Лай, было сделано из зерна и пахло хуже, чем это вино из диких ягод. Оно было мутным, жёлтым, с плавающими зёрнами, поэтому его называли «жёлтым вином».

Почувствовав аромат, Чжэцзы отложил работу и достал две маленькие чашки.

Лю Яоцин налил по чашке, себе поменьше, Чжэцзы — побольше. Не самые красивые глиняные чашки были наполнены густым красным вином, похожим на кровь, с ароматом сладости и лёгкой кислинки диких ягод.

Сделав глоток, Лю Яоцин почувствовал, как густой напиток раскрывается во рту, сочетая сладость и лёгкую остроту вина, что делало его невероятно вкусным.

— Чжэцзы-гэ, как ты думаешь, сколько можно выручить за это?

Лю Яоцин прищурился, допил свою чашку и больше пить не стал.

— Зависит от того, кому продавать.

Услышав это, Лю Яоцин понял, что Чжэцзы тоже был человеком с большими амбициями. Выпив одну чашку, он, кажется, не насытился, и Лю Яоцин налил ему ещё, сам же больше пить не стал.

Прошло совсем немного времени, и Лю Яоцин почувствовал, как лицо его разгорается. Он знал, что покраснел, не глядя в зеркало. Кто бы мог подумать, что от такого небольшого количества вина он так быстро опьянел.

Чжэцзы, не отрывая взгляда от Лю Яоцина, подумал, что этот «закусон» был действительно привлекательным, что вызывало в нём приятные чувства.

— Дикие ягоды тоже можно использовать в медицине. Может, сходим в городок и спросим у врача?

Лю Яоцин уже всё обдумал. Хотя дикие ягоды росли в изобилии у подножия горы, и в городке врачи сами собирали их для сушки и использования в лекарствах, вино из них было совсем другим.

Когда он лежал прикованный к постели в прошлой жизни, Лю Яоцин часто видел, как его старший брат готовил лечебные вина. Среди них вино из диких ягод было самым ценным, его было сложно достать даже за деньги, ведь его эффект был очевиден.

Чжэцзы не возразил, и Лю Яоцин решил отправиться в городок рано утром. Вернувшись домой, он не застал Лю Цюаньцзиня — тот ушёл работать в поле с мотыгой. Он чувствовал себя опозоренным и не мог смотреть людям в глаза, в его сердце копилось негодование. В комнате третьего сына царило молчание, все словно ждали, пока кто-то первый сдастся.

Лю Цюаньфу тоже был опозорен, но он ушёл к соседям. Он никогда не придавал значения своей репутации, для него важно было только то, что можно было съесть или взять в руки.

В главной комнате старик Лю продолжал курить табак, вздыхая и говоря Ли-ши:

— Как же так получилось? Если бы всё прошло гладко, наша семья могла бы стать землевладельцами.

Ли-ши, сидя у двери, быстро шила, не поднимая головы:

— Я думаю, Цин-гэр из третьей семьи — это просто несчастье. Недавно он чуть не умер, и в семье третьего сына не было покоя. Теперь он очнулся, и всё пошло наперекосяк.

— Этот ребёнок стал другим, — сказал старик Лю, но в глубине души он чувствовал, что все недавние события как-то связаны с Лю Яоцином.

Но он не мог этого сказать. Как бы то ни было, старик Лю всегда относился ко всем детям в семье одинаково и никогда никого не обвинял.

За ужином Лю Яоцин сказал:

— Завтра я поеду в городок.

За столом Лю Цюаньфу замер, но сам не проронил ни слова, лишь толкнул локтем Лю Цюаньцзиня.

Лю Цюаньцзинь, проработавший весь день с мотыгой и вернувшийся только с наступлением темноты, хмуро сказал:

— Не пойдёшь.

— Почему?

Лю Яоцин не боялся Лю Цюаньцзиня и прямо ответил, заодно спросив старика Лю:

— Почему я не могу пойти? Дедушка, скажи, могу я пойти? Утром дядя говорил, что я сбежал с мужчиной. Что это за слова? Сегодня мы должны всё выяснить, иначе люди в деревне подумают, что я действительно что-то нарушил. Если кто-то будет сплетничать, нужно раз и навсегда покончить с этим!

Утром Лю Яоцин, хотя и был вытащен Лю Цюаньцинем из дома, позже вернулся в комнату, но это не означало, что слова Лю Цюаньфу, сказанные на весь посёлок, были забыты.

— Ладно, это всё в прошлом, зачем поднимать? Цин-гэр хочет пойти — пусть идёт, что с того?

Очевидно, старик Лю считал, что слова Лю Цюаньфу, сказанные утром, можно просто забыть.

Лю Яоцин скривился, но ничего не сказал.

После ужина Ли-ши принесла ему несколько кусочков курицы с костями, которые были сварены несколько раз. Это была дикая курица, которую Лю Яоцин принёс перед тем, как уйти из дома. Ли-ши приготовила её, но сама не ела, оставив для него.

— Эр Ха и Хэйбэй каждый день едят курицу, — сказал Лю Яоцин, отодвигая миску, чтобы щенки не могли подобраться.

<http://bllate.org/book/16688/1531727>